

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.1
EDN: GNLQEC

М.В. МАСЛОВСКИЙ¹

¹ Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ, ТЕОРИИ МНОЖЕСТВЕННЫХ МОДЕРНОВ И МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

Аннотация. В мировой социологии получили распространение несколько вариантов теории множественных модернов. Один из них опирается на цивилизационный анализ Ш. Эйзенштадта, выделяющий социокультурные основания различных типов современного общества. Кроме того, в работах Й. Арнасона, Й. Терборна, П. Вагнера представлены теории альтернативных, переплетенных и последовательных модернов. В статье содержится аналитический обзор данных теорий. Выделяется использование указанных подходов для анализа социальных трансформаций в России и СССР. Отмечается, что сторонники теории множественных модернов указывали на многообразие форм и направлений глобализации. Однако в целом в исследованиях глобализационных процессов с позиций социологии и глобальной истории преобладали иные подходы, недостаточно учитывавшие множественность таких процессов и конкуренцию между ними. В рамках одного из направлений теории множественных модернов характеризовалась альтернативная модель глобализации, примером которой выступало распространение советской версии модерна. Как подчеркивает Й. Арнасон, коммунистический модерн представлял собой глобальное явление, а его динамика являлась существенной частью глобализационного процесса в XX в. Особый акцент в трудах этого социолога делается на цивилизационных аспектах советской версии модерна, стремившейся в ходе глобального соревнования с западным миром к созданию всеобъемлющей культурной модели. Но в итоге цивилизационные ресурсы советской модели оказались недостаточными. В работах Арнасона ставится также вопрос о том, в какой степени современный Китай может претендовать на формирование альтернативной модели глобализации.

Ключевые слова: социальная теория; историческая социология; цивилизация; множественные модерны; глобализация; советское общество.

¹ В основе статьи — выступление автора на юбилейном Методологическом семинаре памяти Г.С. Батыгина «Социальное познание сегодня: изменяющаяся социология в изменяющемся мире» (13 ноября 2024 г.).

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 23-18-01067 «Образы, концепты, проекты и модели цивилизационного развития российского общества».

Для цитирования: Масловский М.В. Цивилизационный анализ, теории множественных модернов и модели глобализации // Социологический журнал. 2025. Том 31. № 1. С. 9–24. DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.1 EDN: GNLQEC

Введение

На фоне происходящих в сегодняшнем мире экономических и геополитических трансформаций представители различных социальных наук все чаще обсуждают тезис о завершении эпохи глобализации или, по крайней мере, об окончании какой-то стадии этого процесса. Получают распространение такие термины, как «деглобализация» и «постглобализация». Однако следует учитывать, что они нашли более широкое признание в экономической науке и политологии, чем в социологии [27]. Если экономисты нередко связывают начало периода деглобализации с мировым кризисом 2008 г., то политологи упоминают 2016 г., ознаменовавшийся первой победой Д. Трампа на президентских выборах в США и голосованием по Брекситу в Великобритании, хотя отмечалось также, что поворот к постглобализации наметился уже после терактов 11 сентября 2001 г.

Усиление деглобализационных тенденций предполагает, что сложившиеся на рубеже XX и XXI вв. подходы к изучению глобализации едва ли могут служить надежным ориентиром при анализе происходящих в настоящее время социальных изменений. По-видимому, для более глубокого понимания таких изменений требуется привлечение иных теоретических ресурсов. В качестве одного из перспективных направлений следует назвать социологический цивилизационный анализ и связанные с ним теории множественных модернов. Представители различных версий данной теории указывали на многообразие форм и направлений глобализации, а также на препятствия и ограничения, которые сопутствовали этим процессам. Вместе с тем теории глобализации и множественных модернов нередко характеризовались как противоречащие друг другу или даже взаимоисключающие. Остается дискуссионным вопрос о возможности объединения этих теоретических направлений для объяснения сегодняшней динамики глобализации и деглобализации.

Целью данной статьи является демонстрация возможностей использования теорий множественных модернов для изучения процессов глобализации, включая ее альтернативные варианты. В первой части статьи дается аналитический обзор основных направлений теории множественных модернов, представленных в современной социологии. Во второй части сопоставляются исследования глобальных изменений с позиций исторической социологии и глобальной истории. Третья часть статьи посвящена анализу особенностей альтернативной советской модели глобализации в исторической социологии Й. Арнасона.

Многообразие теорий множественных модернов

Формированию новых социологических теорий модерна предшествовали дискуссии о многообразии путей модернизации. Для Т. Парсонса и его ближайших последователей было характерно представление о наличии единственного

варианта модернизации, которому должны следовать все общества, вставшие на этот путь. Альтернативный неомарксистский подход, выделявший три различных пути модернизации, предложил Б. Мур в своем труде «Социальное происхождение диктатуры и демократии», опубликованном в 1966 г. С позиций неовеберовской исторической социологии функционалистскую версию теории модернизации критиковал Р. Бендикс, отвергавший идею о том, что в ходе этого процесса все общества должны пройти через одни и те же последовательные стадии развития. По его мнению, процесс модернизации в каждом случае обладал специфическими чертами, связанными с историческими условиями формирования данного общества [13, с. 31–35].

Как показывает В. Кнебль, переход от «дискурса о модернизации» к «дискурсу о модерне» состоялся в западной социологии в середине 1970-х годов [23, с. 319]. В этот период наблюдались существенные различия в оценках состояния модерна в работах социальных теоретиков. Так, выступавший с консервативных позиций Д. Белл указывал на угрозу того, что социальные институты современного капитализма могут быть подорваны гедонистической потребительской культурой. В отличие от этого, в рамках левого «дискурса о модерне», представленного трудами Ю. Хабермаса, кризисные явления в западных обществах связывались с тем, что модерн еще не в полной мере реализовал свой эмансипаторный потенциал. Вместе с тем большинство теоретиков исключали из своего анализа такие явления, как «войны, расизм и Холокост», которые объявлялись пережитками домодерного прошлого либо относились лишь к отдельным регионам, где в силу контингентных причин произошел сбой модернизационного процесса [23, с. 321].

Дискуссии по проблематике модерна получают развитие в 1980-е и первой половине 1990-х гг. в работах таких теоретиков, как Э. Гидденс, У. Бек и А. Турен. В ходе этих дискуссий вовлеченные в них авторы предлагали «все более красочную картину сложного явления, именуемого “модерном”, и развивали интересные (хотя часто и противоречивые) аргументы относительно исторического происхождения модерна и его различных стадий» [23, с. 323]. Вместе с тем, как подчеркивает Кнебль, указанные теории в целом сосредоточили внимание на западных обществах при почти полном забвении «остального мира» [23, с. 324]. Лишь к концу 1990-х гг. наступает новый этап в развитии теорий модерна, связанный с плюрализацией данного понятия.

В работах социальных теоретиков можно найти различные определения модерна. Одним из наиболее удачных представляется определение, предложенное канадским философом Ч. Тейлором, который понимает под модерном «исторически беспрецедентную амальгаму новых практик и институциональных форм (наука, технологии, промышленное производство, урбанизация), новых образов жизни (индивидуализм, секуляризация, инструментальная рациональность) и новых форм недуга (отчуждение, утрата смысла, ощущение надвигающегося распада общества)» [29, с. 91]. Очевидно, институциональные формы модерна оказываются сходными в разных обществах. Вместе с тем распространение индивидуализма, секуляризация, а также особенности сочетания инструментальной и субстантивной рациональности определяются специфическим для каждого общества культурным наследием. Подобным же образом с культурным контекстом связаны и современные «формы недуга».

Понятие множественных модернов нередко ассоциируется в первую очередь с идеями Ш. Эйзенштадта. Как полагал этот социолог, ранние версии теории модернизации, предполагавшие существование единого пути к модерну, оказались теоретически несостоятельными и не подтверждались эмпирическими данными. Эйзенштадт не принимал представление о том, что институциональные формы западного модерна и его культурная программа с присущими ей гомогенизирующими тенденциями должны быть заимствованы всеми «успешными» модернизирующимися обществами. С точки зрения предложенного им подхода, различные цивилизационные основания порождают многообразные культурные программы модерна и процессы модернизации, прежде всего в политической сфере. Как подчеркивал этот социолог, институциональные формы, которые складывались в незападных обществах на протяжении XX в., безусловно, являлись модерными, хотя опирались на собственные традиции таких обществ и могли существенно отличаться от западных образцов [20].

В работах Эйзенштадта модерн характеризовался как новая цивилизация либо даже как новый тип цивилизации [21]. Особенностью современных обществ выступает, с его точки зрения, возрастающая человеческая автономия, что проявляется в усилении воздействия на окружающий мир и растущем стремлении к пониманию его устройства, а также в расширении возможностей преобразования общества. «Видение автономии становится вполне сформировавшимся цивилизационным паттерном посредством его транслирования в политические и, более опосредованно, в экономические институты и практики» [1, с. 30]. В то же время справедливо отмечалось, что концепция модерна как нового типа цивилизации была «лишь в самых общих чертах и подчас весьма противоречиво очерчена Эйзенштадтом» [3, с. 122].

Критики Эйзенштадта ставили под сомнение предполагавшуюся его теорией связь современных социальных трансформаций с уходящими в глубь веков религиозными традициями. Отмечалось, что Эйзенштадт не уделял достаточного внимания процессам межцивилизационного взаимодействия, в том числе воздействию незападных цивилизаций на формирование западного модерна [23, с. 326]. Следует учитывать, что Эйзенштадт предложил лишь один из вариантов теории множественных модернов, ставший объектом различных интерпретаций. Наряду с этим в мировой социологии разрабатывались теоретические модели «переплетенных» (entangled), «последовательных» (successive) и альтернативных модернов [2; 31; 32]. Различные сочетания указанных подходов использовались для анализа социальных процессов на европейском континенте, в России и СССР, а также и в других обществах, в том числе в странах Латинской Америки [6; 19; 33].

Й. Арнасон выделяет пять уровней, на которых могут рассматриваться множественные модерны. Первым является уровень национальных государств. Так, неоднократно обсуждались параллели и контрасты между путями формирования современного общества в Великобритании и во Франции. Второй уровень представляют региональные паттерны модерна, как, например, Скандинавия или Центральная Европа. Третий уровень относится к цивилизационному наследию как источнику различий между типами модерна. В связи с этим рассматривалась, в частности, конфуцианская цивилизация с центром в Китае, влияние которой распространилось на всю Восточную Азию. В качестве четвертого уровня выде-

ляются «альтернативные модерны». Согласно Арнасону, альтернативный модерн может считаться «паттерном, или системой, структурированной по принципу противоположности прежней системе и претендующей на широкие исторические <...> смысл и значимость» [2, с. 105]. Основным примером в данном случае выступает коммунизм как особая разновидность современного общества. Кроме того, к указанному перечню добавляется уровень «глобальных модернов» как различных конфигураций экономических, политических и культурных паттернов. Особенно коммунистическая версия альтернативного модерна стремилась к глобальному распространению в период после окончания Второй мировой войны.

В связи с этим представляет интерес применение теории модерна для анализа российской и советской истории. М. Дэвид-Фокс характеризует четыре подхода к российскому/советскому модерну, которые можно встретить главным образом в англоязычной исторической литературе. Во-первых, существует тенденция к отрицанию понятия модерна при обсуждении российской истории, особенно периода с 1850-х по 1950-е гг. Во-вторых, присутствует тенденция рассматривать модерн как общее явление и сосредоточиваться на том, что объединяло Россию и СССР с другими современными государствами. Третий подход опирается на работы Эйзенштадта и его коллег, которые характеризовали советский коммунизм как альтернативную версию модерна. Наконец, четвертая позиция, которая также предполагает множественность модернов, выделяет их переплетение и взаимодействие [6, с. 21].

Понятие «переплетенные модерны» первоначально использовалось для анализа взаимодействия Запада с незападными обществами с позиций постколониального подхода. Социологический анализ данного понятия предложил Й. Терборн, по мнению которого следует различать два типа переплетений модернов. Во-первых, существуют разнообразные формы переплетения с определенной традицией, поскольку разрыв с прошлым всегда оказывается неполным, а традиции обладают той или иной степенью «пластичности». Внутренняя динамика переплетения в рамках определенного общества предполагает не линейную диффузию институтов и культурных форм, но их избирательную рецепцию, сопровождаемую побочными последствиями. Результатом переплетения становится, например, сочетание «предпринимательского капитализма, всепроникающей религиозности и сложного этнического состава населения в США, радикального социализма, классической поэзии и имперского протокола в маоистском Китае» [30, с. 302]. В конечном итоге, согласно Терборну, в результате переплетений возникают многообразные гибридные формы современного общества.

Во-вторых, существуют «геоисторические» переплетения, связанные с различными путями к модерну, среди которых западный путь выступает лишь одним из возможных вариантов. Терборн считает необходимым не только учитывать сам факт переплетения различных обществ, но и то, что такое переплетение складывалось в том числе посредством войн и геноцида. В ходе взаимодействия с Западом одни общества были полностью им подчинены, тогда как другие пытались создать альтернативные версии модерна. Терборн выделяет особенности формирования модерна в странах Нового Света, на колониальных территориях, а также в странах, вставших на путь «реактивной модернизации» в ответ на внешнюю угрозу со стороны Запада. Наконец, он добавляет к указанным вариантам «гибридные пути», представленные Россией и Китаем [16, с. 98–105].

Концепцию «последовательных модернов» сформулировал П. Вагнер, сосредоточивший внимание на социальных изменениях в странах Западной Европы на протяжении XIX–XX вв. При этом он характеризовал модерн как одновременно нормативный проект и новое состояние общества. В 2010-е гг. Вагнер разрабатывает исследовательскую программу глобальной сравнительно-исторической социологии (мир-социологии) [34]. Такой подход позволяет выйти за рамки европоцентризма и учитывать многообразие современных обществ. Этот социолог указывает на наличие длительных исторических взаимосвязей между Европой и другими регионами мира, повлиявших на формирование различных типов модерна. В частности, он обсуждает историческую динамику таких стран, как Южная Африка и Бразилия. Согласно Вагнеру, изучение «новых обществ» может способствовать «концептуальным инновациям в социальной и политической теории и в сравнительно-исторической и политической социологии» [33, р. 99]. Однако рассмотренные им случаи включают, скорее, модификации европейских культурных и институциональных паттернов, но не альтернативные проекты модерна.

По мнению Вагнера, недавнюю историю и сегодняшнюю ситуацию в мире можно оценивать сквозь призму интерпретаций модерна, отличающихся значительным региональным разнообразием и опирающихся на предшествующий исторический опыт. «Преобладающая в том или ином регионе интерпретация модерна всегда оказывается результатом исторического опыта и его интерпретации» [4, с. 225]. Рассматривая период с 1960-х гг. до настоящего времени, он отмечает, что в начале указанного периода преобладавшие интерпретации модерна отличало стремление к «стабилизации экономических и политических отношений, ограничению культурных различий и “замораживанию” существующей ситуации, допускающему лишь равномерные и предсказуемые изменения» [34, р. 115]. В западных обществах существенные изменения происходят в конце 1960-х гг. В частности, Вагнер характеризует события 1968 г. как неудавшуюся политическую революцию, но состоявшуюся культурную революцию. Начиная с рубежа 1980–1990-х гг. получает распространение «социальное воображаемое», основанное на идеях глобализации и индивидуализации. Предполагалось, что между отдельным индивидом и глобальным уровнем практически отсутствуют какие-либо промежуточные институты. Вместе с тем, как утверждает Вагнер, подобная интерпретация модерна оказывается во многом неадекватной, о чем свидетельствуют экономические кризисы, экологические проблемы, конфликты по поводу исторической справедливости.

Таким образом, в мировой социологии сформировались различные версии теории множественных модернов. Однако следует учитывать, что между их авторами складываются порой непростые взаимоотношения. В частности, работы Арнасона по проблемам цивилизационного анализа могут быть интерпретированы как непрерывный диалог с Эйзенштадтом [22, с. 18]. В то же время Терборн крайне редко ссылается на Эйзенштадта и игнорирует вклад Арнасона в разработку теории альтернативных модернов. В свою очередь, Вагнер не принимает цивилизационный подход Эйзенштадта, а с Арнасоном ведет вполне доброжелательную интерпретативную полемику [35]. Во всяком случае, интеграция всех перечисленных подходов остается нерешенной задачей теории множественных модернов, хотя и были сделаны определенные шаги в этом направлении [1, с. 151–152; 17, с. 435–437].

Историческая социология глобализации и глобальная история

Золотым веком социологических теорий глобализации были 1990-е гг. К концу этого десятилетия сформировались ведущие теоретические направления в глобализационных исследованиях. Среди сложившихся в указанный период теорий преобладали два основных подхода. Некоторые исследователи стремились выявить одну доминирующую логику глобализации, как правило, делая акцент на развитии мировой капиталистической экономики. Примером такого подхода выступает мир-системный анализ. В рамках другого направления исследований процессы глобализации определяются несколькими различными факторами, несводимыми друг к другу. Но и в этом случае акцент обычно делался на структурных факторах. Так, в модели множественных глобализаций М. Манна глобальное распространение сетей экономической, политической и военной власти оказывается более значимым, чем соответствующие процессы в сфере культуры, которые к тому же ограничиваются идеологической властью [12]. Формулировка концепции глобализации, подчеркивающая роль культурных факторов в этом процессе, представлена в работах Р. Робертсона [26]. Для исследований глобальных процессов особенно плодотворным оказалось предложенное этим социологом понятие глокализации [27].

Ранние версии теории глобализации фокусировали внимание прежде всего на новейших процессах глобальных изменений, происходивших с 1980-х гг. В некоторых случаях авторы таких теорий обращались к анализу ближайших предпосылок этих изменений, а также проводили параллели с ростом глобальных экономических взаимосвязей во второй половине XIX – начале XX в. Но в целом историческое измерение было недостаточно представлено в преобладавших в 1990-е гг. подходах к изучению глобализационных процессов. Эта ситуация начинает изменяться в 2000-е гг. по мере распространения и роста влияния глобальной истории [8]. Как замечает немецкий историк С. Конрад, поскольку «в наше время стало модно усматривать в “глобализации” ключ к пониманию настоящего, пора оглянуться на прошлое, чтобы исследовать исторические истоки этого процесса» [9, с. 17]. Следует отметить, что даже если «мода» на теории глобализации прошла и ключ к пониманию настоящего в них более не усматривают, задача изучения исторических истоков данного процесса в любом случае остается на повестке дня.

В целом историография глобальной истории широко представлена в публикациях зарубежных исследователей, а также в отдельных работах отечественных ученых [7; 8]. Не претендуя на целостный охват данного направления, обратимся к его характеристике в работе С. Конрада. Как он показывает, в недавних исследованиях могут быть выделены три основных подхода к пониманию глобальной истории. Во-первых, данное понятие может означать изучение истории в мировом масштабе. Как правило, акцент при этом делается на каком-то отдельном явлении, которое прослеживается на протяжении всей мировой истории, как, например, «истории переселения народов и торговли; глобальные истории природы и религии; истории войны и мира. Примеры такого рода бесчисленны» [9, с. 24]. По мнению Конрада, особенно значительных успехов добились глобальные истории империй, которые прослеживают становление имперских формаций в различные исторические пери-

оды. В связи с этим следует упомянуть, что одна из наиболее значительных ранних работ Ш. Эйзенштадта была посвящена политическим системам империй, а в трудах Й. Арнасона представлена модель «имперской модернизации» [25, с. 179–180]. Тем не менее в работах представителей глобальной истории данные подходы, как правило, не рассматриваются и в целом «взаимное отчуждение историков и социологов все еще затрудняет диалог между ними» [1, с. 15].

Второе понимание глобальной истории фокусируется на обмене и взаимосвязях между различными обществами, нациями, цивилизациями. С таких позиций изучаются разные темы, включая перемещения людей, товарообмен на больших расстояниях и распространение идей. В то же время размах сетей и связей не обязательно достигает планетарных масштабов [9, с. 24]. Наконец, третье понимание глобальной истории, к которому склоняется Конрад, предполагает «некую форму глобальной интеграции – регулярных и устойчивых взаимообменов, существенно повлиявших на становление соответствующих стран. Во все времена велись обмены через границы, но их характер, их влияние на общество зависели от степени системной интеграции в глобальном масштабе» [9, с. 27]. Такой подход, по-видимому, ориентируется на социологические теории глобализации, сложившиеся в 1990-е гг.

Следует отметить, что Конрад подвергает критике цивилизационный подход Эйзенштадта и его последователей, якобы выделяющих каждую цивилизацию как «самодостаточную единицу», развитие которой «полагается эндогенным и зависимым только от ее отличительных культурных особенностей» [9, с. 86]. Тем самым, по мнению немецкого историка, игнорируется история взаимодействий рассматриваемой цивилизации. Но такая интерпретация лишь отчасти применима к подходу Эйзенштадта. По мнению В. Шпона, «цивилизационные комплексы», которые рассматривал израильский социолог, характеризовались в том числе «межцивилизационными и трансцивилизационными взаимосвязями и взаимодействиями» [28, с. 286]. Кроме того, Конрад явно не учитывает в данном случае вклад предложенной Б. Нельсоном и дополненной Й. Арнасоном модели межцивилизационного взаимодействия [1, с. 71–74], а также концепции переплетенных модернов.

Представители современной исторической социологии отмечали, что идея множественных модернов не является диаметрально противоположной понятию глобализации; скорее, следует говорить о различных глобализирующих тенденциях, связанных с определенными версиями модерна. Этот подход, который в общих чертах был обозначен Эйзенштадтом, допускает возможность множественности глобализаций и продолжающееся соперничество между ними. В таком случае представления о том, что процессы глобализации ведут к формированию единой мировой системы, являются несостоятельными. С точки зрения Эйзенштадта, в ходе европейской экспансии сложились не только мировая экономическая система, но также политическая и культурная системы, обладавшие собственной динамикой. Результатом этого стала плюралистичная глобальная конфигурация, в рамках которой происходили конфликты как внутри отдельных систем, так и между ними. Однако, по мнению Й. Арнасона, который в целом разделяет подход Эйзенштадта, понятие системы в данном случае едва ли применимо. Скорее речь может идти о «множественных глобальных контекстах», хотя «акцент на различных измерениях глобализационных процессов и отсутствии какой-либо априорной координации между ними в любом случае является оправданным» [1, с. 185].

На основе теории множественных модернов характеризовались также различные этапы глобализации. Так, Й. Терборн выделяет шесть ее последовательных волн [16, с. 60–81]. Первая из них связана с распространением мировых религий в IV–VIII вв. Вторая волна охватывает XVI – начало XVII в., что совпадает с первым этапом колониальной экспансии европейских держав. Третья волна относится к глобальному соперничеству Великобритании и Франции с середины XVIII в. до окончания наполеоновских войн. Четвертая начинается в середине XIX в. и продолжается до Первой мировой войны. Пятая волна охватывает период между двумя мировыми войнами и глобальное противостояние эпохи холодной войны. В данном случае на фоне экономической деглобализации формируется глобальная политика. Наконец, шестая волна — это новейшая глобализация с начала 1990-х гг. С точки зрения Терборна, с момента мирового финансового кризиса 2008 г. можно говорить о завершении шестой волны глобализации. Если экстраполировать предложенный им подход на сегодняшнюю мировую ситуацию, то, по-видимому, речь будет идти о новом этапе оживления глобальной политики в условиях усиления тенденции к деглобализации в экономической сфере.

Советская модель модерна как форма глобализации

Как подчеркивают авторы программной статьи, которая открывает тематический номер журнала «Социологии власти», посвященный исторической социологии, «полноценное изучение опыта советского модерна на различных этапах его исторической эволюции может быть продуктивным лишь в перспективе сравнительно-исторической социологии, принимающей во внимание как опыт западных версий модерна, так и особенности революционных процессов на Глобальном Юге и Востоке в XX в.» [5, с. 25]. В то же время необходимо учитывать, что распространение на протяжении «краткого XX в.» коммунистической версии модерна выступало одним из аспектов множественности глобализаций.

В мировой исторической социологии наиболее глубокий анализ глобальной динамики советской модели модерна осуществил Й. Арнасон. Такой анализ представлен в ряде его работ — с вышедшей в 1995 г. статьи «Советская модель как форма глобализации» до опубликованной в 2020 г. книги «Лабиринт модерна» [1, с. 182–213; 18]. Следует отметить, что в последние несколько лет тема альтернативной советской глобализации привлекла внимание зарубежных и российских историков, но в их работах акцент делается прежде всего на экономическом измерении глобализации советской системы [10; 15; 24]. В отличие от этого, Арнасон характеризует особенности глобальной динамики альтернативного модерна в сферах экономики, политики и культуры. Для середины 1990-х гг., когда он сформулировал эти идеи, такой подход был, безусловно, новаторским. Однако в тот момент предложенная им теоретическая модель не получила широкого признания со стороны представителей (пост)советологии.

С точки зрения Арнасона, следует обратить внимание на глобальное воздействие советской версии модерна, претендовавшей на универсализм и всемирно-историческое значение. «Описывать советскую модель как “форму глобализации” значит предполагать, что ее следует рассматривать на фоне длительного

процесса, рамки которого она задает, и что, в противоположность общепринятой точке зрения, она являлась не просто препятствием или жертвой глобализации. Советские стратегии развития и экспансии должны анализироваться как ответы на глобальные проблемы, альтернативы глобального масштаба и инициативы с глобальными последствиями» [1, с. 184]. В целом советская модель представляла собой глобальное явление, а ее динамика была «существенной частью глобализационного процесса в XX веке» [1, с. 211].

В своем исследовании советской версии модерна Арнасон выделяет такие ее аспекты, как роль социального движения, имперская структура советского государства и цивилизационные характеристики альтернативного модерна. В работах социолога рассматривается динамика международного коммунистического движения, которое постепенно становится инструментом глобальной стратегии советского государства. Тем не менее, несмотря на крайнюю «инструментализацию» движения, оно играло важную роль в самопрезентации советского режима. Связь с международной организацией, действовавшей в разных регионах мира, «создавала интерпретативные рамки, позволявшие партии-государству артикулировать свои амбиции внутри страны и за ее пределами» [1, с. 192–193]. Глобальная перспектива позволяла представить направляемую государством трансформацию советского общества как «решающий вклад в дело мировой революции» [1, с. 193].

Имперский характер советской модели проявился в том, что большевистский проект был связан с более ранним паттерном имперской модернизации. При этом, как полагает Арнасон, лишь властная структура имперских масштабов была способна сделать правдоподобным тезис о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. «Проект самодостаточной радикальной трансформации являлся фундаментально несовместимым с идеологическими основаниями и историческим контекстом режима, но сама его геополитическая массивность (“социалистическая шестая часть суши”) помогла в решении этой проблемы» [1, с. 193]. В дальнейшем советская имперская структура распространилась на страны Восточной Европы.

Советская модель приобрела глобальный масштаб после окончания Второй мировой войны. Превращение СССР в одну из двух сверхдержав, формирование политических режимов советского типа в странах Восточной Европы и Восточной Азии, а также дальнейший рост мирового коммунистического движения создали новую историческую ситуацию. В результате «глобальный охват советской модели стал значительно более полным, чем на стадии ее формирования. В некотором смысле только теперь советское государство стало реально, а не потенциально определять глобализационные процессы» [1, с. 198]. Вместе с тем, как подчеркивает Арнасон, в указанный период СССР оказался в условиях более высокого уровня международного соперничества.

Особое внимание Арнасон уделяет цивилизационным аспектам советской версии модерна. Как он указывает, глобальное соревнование с западным миром основывалось на претензиях на создание всеобъемлющей культурной модели. При этом «уверенность советских лидеров в превосходстве своей системы — различным образом отражавшаяся как в реформистских, так и в консервативных стратегиях — усиливалась ее идеологическими успехами» [1, с. 194]. В то же время западные наблюдатели преувеличивали масштабы и потенциал альтернативной версии модерна.

Однако, по мнению Арнасона, в конечном итоге цивилизационные ресурсы советской модели оказались недостаточными. Это в полной мере проявилось в период перестройки в СССР, когда не оправдалась вера руководства страны в «объединяющую и ассимилирующую мощь советской социокультурной модели» [1, с. 209].

В последние годы Арнасона все больше занимает проблема, которая может быть обозначена (перефразируя название известной книги русского философа) как «истоки и смысл» китайского коммунизма. Следует отметить, что общая оценка коммунизма как всемирно-исторического явления, как правило, основывалась главным образом на изучении советского и восточноевропейского опыта. Происхождение и эволюция китайской модели коммунизма в меньшей степени стали объектом теоретического анализа. Однако Арнасон неоднократно подчеркивал необходимость теоретического осмысления исторической динамики китайской модели альтернативного модерна. В связи с этим представляет интерес представленный социологом анализ переплетения его советской и китайской версий [14].

Модернизационная траектория китайского коммунизма демонстрирует «особенно сложное сочетание антитрадиционализма, преемственности и возврата к традиционным истокам» [18, с. 3]. С точки зрения Арнасона, в сегодняшнем Китае сочетание паттернов капиталистического развития, элементов марксистско-ленинской политической практики и идеологии, а также избирательного возрождения конфуцианского наследия уже не может считаться лишь вариантом советской модели. Вместе с тем, как замечает Й. Терборн, только будущее покажет, насколько успешным может оказаться союз между коммунистической партией и «возрожденной неоконфуцианской цивилизацией» [31, с. 239]. До недавнего времени Китай, в отличие от СССР, не претендовал на альтернативную модель глобализации. В экономической сфере существовало тесное переплетение с глобальным капиталистическим модерном. В политической сфере не наблюдалось стремления распространить институты однопартийного коммунистического режима на соседние страны, за исключением Тайваня, который расценивается китайским руководством как мятежная провинция единого государства. Подобным же образом контролируемое партией сочетание марксизма-ленинизма и конфуцианской цивилизационной традиции не предполагало широкого экспорта этой идеологической модели.

Как полагает Арнасон, глобальные амбиции сегодняшнего китайского государства «далеки от советских прецедентов периода холодной войны, однако наблюдатели отмечают растущую тенденцию противопоставлять успехи Китая упадку Запада и указывать на китайский путь как на образец для развивающихся стран» [2, с. 105]. По-видимому, в дальнейшем можно ожидать усиления глобализирующих тенденций китайской версии модерна не только в экономической сфере. Как показывает, в частности, А.В. Ломанов в обзоре новейшей китайской литературы по проблемам цивилизации и модерна, в ней подчеркивается как цивилизационная специфика страны, так и «китайский план модерна», который отличается от исторических предшественников. Утверждается, что Коммунистическая партия Китая открыла новый тип «цивилизационного модерна», превосходящий западную модель [11]. По-видимому, в условиях быстро меняющейся ситуации в сегодняшнем мире пройдет не так много времени между формулировкой соответствующих теоретических положений и усилением глобализирующих тенденций альтернативной версии модерна в ее китайском варианте.

Заключение

В целом теории глобализации и множественных модернов не должны считаться взаимоисключающими. Более того, идея множественных модернов позволяет скорректировать преобладавшие до недавнего времени односторонние подходы к анализу глобализационных процессов. Как показал представленный в данной статье аналитический обзор, новые социологические теории модерна не только выделяют многообразие форм глобализации в различных сферах общественной жизни, но и допускают возможность распространения ее альтернативных вариантов. В частности, необходимо учитывать глобальные аспекты исторической динамики советской версии модерна, которые в основном игнорировались как в ранних формулировках теории глобализации, так и в исследованиях представителей глобальной истории. Обращение к цивилизационному анализу как направлению современной исторической социологии, по-видимому, позволяет преодолеть недостатки указанных подходов.

Следует также поставить вопрос о значении теории множественных модернов в ее различных вариантах для исследований современного российского общества. Представляется, что в данном случае лишь в довольно ограниченных пределах применима теория Эйзенштадта, которая подчеркивает роль культурной программы, определяющей направление развития той или иной версии модерна. По-видимому, более перспективным было бы использование сочетания элементов теорий Терборна, Вагнера и Арнасона. В связи с этим представляет интерес осуществленный Терборном анализ форм переплетения современных обществ. Особенно следует выделить переплетение модернов, когда речь идет о сохранении и воспроизводстве в сегодняшнем российском обществе некоторых черт советской системы. Может быть востребован также подход Вагнера к интерпретациям модерна, опирающимся на предшествующий исторический опыт. Предложенный Арнасоном анализ альтернативного модерна, по-видимому, является актуальным для дискуссий не только о характере советской модели, но и о ее историческом наследии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Масловский Михаил Валентинович — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.
Телефон: +7 (812) 316-34-36. Электронная почта: m.maslovskiy@socinst.ru

**SOTSILOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2025. VOL. 31. NO. 1.
P. 9–24. DOI: 10.19181/SOCJOUR.2025.31.1.1**

Research Article

MIKHAIL V. MASLOVSKIY¹

¹ Sociological Institute of FCTAS RAS.

Office 504, 25/14, 7th Krasnoarmeiskaya st., 190005, Saint Petersburg, Russian Federation.

CIVILIZATIONAL ANALYSIS, THEORIES OF MULTIPLE MODERNITIES AND THE MODELS OF GLOBALIZATION

Abstract. In world sociology there are currently several versions of the theory of multiple modernities. One of them draws on S. Eisenstadt's civilizational analysis which highlights the socio-cultural foundations of

various types of a modern society. In addition, theories of alternative, entangled and successive modernities are presented in the works of J. Arnason, G. Therborn and P. Wagner. The article presents an analytical review of these theories. The use of different combinations of the aforementioned approaches for analyzing social transformations in Russia and the USSR is highlighted. It is noted that followers of the multiple modernities theory argued that globalization could take various forms and go in many directions. However other approaches prevailed in most studies of globalization processes in sociology and global history, although they did not dedicate sufficient attention to the multiplicity of such processes and the continuing rivalry between them. From the multiple modernities perspective the Soviet version of modernity has been characterized as an alternative mode of globalization. As Arnason emphasizes, communist modernity was a global phenomenon and its dynamics were an important part of 20th century globalization processes. This scholar focuses on civilizational aspects of the Soviet version of modernity which ultimately proved to be unsustainable. Arnason also poses the question whether modern-day China could form an alternative model of globalization.

Keywords: social theory; historical sociology; civilization; multiple modernities; globalization; Soviet society.

For citation: Maslovskiy, M.V. Civilizational Analysis, Theories of Multiple Modernities and the Models of Globalization. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 9–24. DOI: [10.19181/socjour.2025.31.1.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.1.1)

Acknowledgments. The research was carried out under the grant of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-01067 “Images, concepts, projects and models of civilizational development of Russian society”.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Maslovskiy — Doctor of Sociological Sciences, Leading researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS.
Phone: +7 (812) 316-34-36. **Email:** m.maslovskiy@socinst.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Арнасон Й.* Цивилизационные паттерны и исторические процессы / Пер. с англ. М. Масловского, Д. Карасева, Ю. Прозоровой, А. Степанова; Сост., послесл. М. Масловского. М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 304 с. EDN: **OMAUNS**
Arnason J. Civilizational Patterns and Civilizing Processes. Transl. from Eng. by D. Karasev, M. Maslovskiy, A. Stepanov, Yu. Prozorova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2021. 304 p. (In Russ.)
2. *Арнасон Й.* Тоталитарный раскол: альтернативные модерности XX века / Пер. с англ. А. Степанова // Неприкосновенный запас. 2022. № 1 (141). С. 105–130. EDN: **BUJUOC**
Arnason J. The Totalitarian Schism: Alternative Modernities of the 20th Century. Transl. from Eng. by A. Stepanov. *Neprikosnovennyyi zapas*. 2022. No. 1 (141). P. 105–130. (In Russ.)
3. *Браславский Р.Г., Козловский В.В.* Цивилизационный поворот в социологии: вклад Ш.Н. Эйзенштадта // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 116–125. DOI: [10.31857/S013216250028309-2](https://doi.org/10.31857/S013216250028309-2) EDN: **REMUWH**
Braslavskii R.G., Kozlovskii V.V. Civilizational Turn in Contemporary Sociology: The Contribution of S.N. Eisenstadt. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023. No. 10. P. 116–125. DOI: [10.31857/S013216250028309-2](https://doi.org/10.31857/S013216250028309-2) (In Russ.)
4. *Вагнер П.* Макс Вебер и модерн XXI века / Пер. О. Кильдюшов // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 4. С. 212–230. DOI: [10.17323/1728-192x-2019-4-212-230](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-4-212-230) EDN: **TWUADT**
Wagner P. Max Weber and 21st Century Modern. Transl. by O. Kildyushov *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2019. Vol. 18. No. 4. P. 212–230. DOI: [10.17323/1728-192x-2019-4-212-230](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-4-212-230) (In Russ.)

5. *Дмитриев Т.А., Кильдюшов О.В.* Россия в перспективе исторической социологии: эвристические перспективы и методологические проблемы // Социология власти. 2024. Т. 36. № 3. С. 14–34. DOI: [10.22394/2074-0492-2024-3-14-34](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-14-34) EDN: [WIAUSJ](#)
Dmitriev T.A., Kildyushov O.V. Russia in the Perspective of Historical Sociology: Heuristic Perspectives and Methodological Problems. *Sotsiologiya vlasti*. 2024. Vol. 36. No. 3. P. 14–34. DOI: [10.22394/2074-0492-2024-3-14-34](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-3-14-34) (In Russ.)
6. *Дэвид-Фокс М.* Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 19–44. EDN: [ZCJGUR](#)
David-Fox M. Russian-Soviet Modernity: None, Shared, Alternative, or Entangled? *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2016. No. 4. P. 19–44. (In Russ.)
7. *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии / Пер. с англ. О. Воробьевой; Науч. ред. М. Кукарцева. М.: Канон+, 2012. — 432 с. DOI: [10.4324/9781315844480](https://doi.org/10.4324/9781315844480)
Iggers G., Wang E. A Global History of Modern Historiography. Transl. from Eng. by O. Vorobeva. Moscow: Kanon+ publ., 2012. 432 p. DOI: [10.4324/9781315844480](https://doi.org/10.4324/9781315844480) (In Russ.)
8. *Ионов И.Н.* Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание. М.: Аквилон, 2015. — 464 с. EDN: [YIFTUX](#)
Ionov I.N. *World History in the Global Age: New Historical Consciousness*. Moscow: Akvilon publ., 2015. 464 p. (In Russ.)
9. *Конрад С.* Что такое глобальная история? / Пер. с англ. А. Степанова. М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 312 с.
Conrad S. What is Global History? Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2018. 312 p. (In Russ.)
10. *Липкин М.А.* Совет Экономической Взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979). М.: Весь Мир, 2019. — 184 с. EDN: [VNQWBJ](#)
Lipkin M.A. *The Council for Mutual Economic Assistance: The Historical Experience of an Alternative World Order*. Moscow: Ves Mir publ., 2019. 184 p. (In Russ.)
11. *Ломанов А.В.* Общечеловеческий Китай и абстрактный Запад // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 2. С. 207–226. DOI: [10.31278/1810-6439-2025-23-2-207-226](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-2-207-226) EDN: [HWCDDN](#)
Lomanov A.V. All-Humanity China and Abstract West. *Rossiia v globalnoi politike*. 2025. Vol. 23. No. 2. P. 207–226. DOI: [10.31278/1810-6439-2025-23-2-207-226](https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-2-207-226) (In Russ.)
12. *Манн М.* Источники социальной власти. В 4 т. Т. 4. Глобализации, 1945–2011 годы / Пер. с англ. А.В. Лазарева; Науч. ред. Д.Ю. Карасева. М.: Дело, 2018. — 672 с.
Mann M. The Sources of Social Power. Vol. 4. Globalizations, 1945–2011. Transl. from Eng. by A.V. Lazarev; Scientific ed. by D.Y. Karaseva Moscow: Delo publ., 2018. 672 p. (In Russ.)
13. *Масловский М.В.* Современные теории модерна и модернизации // Социологический журнал. 2008. № 2. С. 31–44. EDN: [PCNMIT](#)
Maslovskii M.V. Contemporary Theories of Modernity and Modernization. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2008. No. 2. P. 31–44. (In Russ.)
14. *Масловский М.В.* Анализ «переплетения» советской и китайской моделей альтернативного модерна в исторической социологии Й. Арнасона // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 97–112. DOI: [10.19181/socjour.2023.29.1.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.5) EDN: [OGCRAS](#)

- Maslovskii M.V. Analyzing the “Entanglement” of the Soviet and Chinese Models of Alternative Modernity in J. Arnason’s Historical Sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 97–112. DOI: [10.19181/socjour.2023.29.1.5](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.5) (In Russ.)
15. Санчес-Сибони О. Красная глобализация. Политическая экономия холодной войны от Сталина до Хрущева / Пер. с англ. К. Фомина. СПб.: Academic Studies Press/Библиороссика, 2022. —407 с. DOI: [10.1515/9781644699713](https://doi.org/10.1515/9781644699713)
Sanchez-Sibony O. Red Globalization. The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev. Transl. from Eng. by K. Fomin. St Petersburg: Academic Studies Press publ./Bibliorossika publ., 2022. 407 p. DOI: [10.1515/9781644699713](https://doi.org/10.1515/9781644699713) (In Russ.)
16. Терборн Й. Мир: руководство для начинающих / Пер. с англ. Е.М. Горбуновой, Л.Г. Титаренко; Науч. ред. С.М. Гавриленко. М.: Издательский дом ВШЭ, 2015. — 336 с.
Therborn G. *The World: A Beginners’ Guide*. Transl. from Eng. by E.M. Gorbunova, L.G. Titarenko; Scientific ed. by S.M. Gavrilenko. Moscow: Publ. House of HSE, 2015. 336 p. (In Russ.)
17. Arnason J.P. Alternating Modernities: The Case of Czechoslovakia. *European Journal of Social Theory*. 2005. Vol. 8. No. 4. P. 435–451. DOI: [10.1177/13684310050506422](https://doi.org/10.1177/13684310050506422)
18. Arnason J.P. *The Labyrinth of Modernity: Horizons, Pathways and Mutations*. L.: Rowman and Littlefield, 2020. 209 p.
19. Delanty G. *Formations of European Modernity: A Historical and Political Sociology of Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. 338 p. DOI: [10.1057/9781137287922](https://doi.org/10.1057/9781137287922)
20. Eisenstadt S. Multiple Modernities. *Daedalus*. 2000. Vol. 129. No. 1. P. 1–29. DOI: [10.1177/03058298000290031201](https://doi.org/10.1177/03058298000290031201)
21. Eisenstadt S. The Civilizational Dimension of Modernity: Modernity as a Distinct Civilization. *International Sociology*. 2001. Vol. 16. No. 3. P. 320–340. DOI: [10.1177/026858001016003005](https://doi.org/10.1177/026858001016003005)
22. Knöbl W. Contingency and Modernity in the Thought of J.P. Arnason. *European Journal of Social Theory*. 2011. Vol. 14. No. 1. P. 9–22. DOI: [10.1177/1368431010394502](https://doi.org/10.1177/1368431010394502)
23. Knöbl W. The Sociological Discourse on “Modernization” and “Modernity”. *Revue Internationale de Philosophie*. 2017. No. 3. P. 311–329. DOI: [10.3917/rip.281.0311](https://doi.org/10.3917/rip.281.0311)
24. Mark J., Feygin Y. The Soviet Union, Eastern Europe and Alternative Visions of a Global Economy, 1950s–1980s. *Alternative Globalizations: Eastern Europe and the Postcolonial World*. Ed. by J. Mark, A. Kalinovsky, S. Marung. Bloomington: Indiana University Press, 2020. P. 35–58. DOI: [10.2307/j.ctvx8b7ph.5](https://doi.org/10.2307/j.ctvx8b7ph.5)
25. Maslovskiy M. The Soviet Version of Modernity: Weberian and Post-Weberian Perspectives. *Russian Sociological Review*. 2019. Vol. 18. No. 2. P. 174–188. DOI: [10.17323/1728-192x-2019-2-174-188](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-2-174-188) EDN: [UVQBQZ](https://www.edn.ru/uvqbqz)
26. Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. L.: SAGE Publications, 1992. 224 p.
27. Roudometof V. How Should We Think About Globalization in a Post-Globalization Era? *Dialogues in Sociology*. 2024. Online First. P. 1–14. DOI: [10.1177/29768667241293053](https://doi.org/10.1177/29768667241293053)
28. Spohn W. An Appraisal of Shmuel Noah Eisenstadt’s Global Historical Sociology. *Journal of Classical Sociology*. 2011. Vol. 11. No. 3. P. 281–301. DOI: [10.1177/1468795X11406025](https://doi.org/10.1177/1468795X11406025)
29. Taylor Ch. Modern Social Imaginaries. *Public Culture*. 2002. Vol. 14. No. 1. P. 91–124. DOI: [10.1215/08992363-14-1-91](https://doi.org/10.1215/08992363-14-1-91)

30. Therborn G. Entangled Modernities. *European Journal of Social Theory*. 2003. Vol. 6. No. 3. P. 293–305. DOI: [10.1177/13684310030063002](https://doi.org/10.1177/13684310030063002)
31. Therborn G. States, Nations and Civilizations. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2021. Vol. 14. No. 2. P. 225–242. DOI: [10.1007/s40647-020-00307-1](https://doi.org/10.1007/s40647-020-00307-1)
32. Wagner P. Successive Modernities and the Idea of Progress: A First Attempt. *Distinktion: Journal of Social Theory*. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 9–24. DOI: [10.1080/1600910X.2010.9672761](https://doi.org/10.1080/1600910X.2010.9672761)
33. Wagner P. From Interpretation to Civilization — and Back: Analyzing the Trajectories of Non-European Modernities. *European Journal of Social Theory*. 2011. Vol. 14. No. 1. P. 89–106. DOI: [10.1177/1368431010394511](https://doi.org/10.1177/1368431010394511)
34. Wagner P. Interpreting the Present: A Research Programme. *Social Imaginaries*. 2015. Vol. 1. No. 1. P. 105–129. DOI: [10.5840/si2015117](https://doi.org/10.5840/si2015117)
35. Wagner P. Ways Out of the Modern Labyrinth: Normative Expectations and Subsequent Social Change. *Civilization, Modernity and Critique: Engaging Johann P. Arnason's Macro-Social Theory*. Ed. by L. Dunaj, J. Smith, K. Mertel. Abingdon: Routledge, 2023. P. 63–76. DOI: [10.4324/9781003275046-8](https://doi.org/10.4324/9781003275046-8)

Статья поступила в редакцию: 21.01.2025; поступила после рецензирования и доработки: 07.03.2025; принята к публикации: 17.03.2025.

Received: 21.01.2025; revised after review: 07.03.2025; accepted for publication: 17.03.2025.